

Покровская . М.

ДИСКУРСИВНАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВАЯ СУЩНОСТЬ МЕНТАЛЬНОСТИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/81.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 194-196. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

9. Шлегель Ф. Разговор о поэзии (Письмо о романе) [Текст] / Ф. Шлегель // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / А.С.Дмитриев. - М., 1980.

10. Hettner H. Die romantische Schule in ihrem inneren Zusammenhänge mit Goethe und Schiller. - Brschw., 1850.

ДИСКУРСИВНАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВАЯ СУЩНОСТЬ МЕНТАЛЬНОСТИ

Покровская Е. М.

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

Рассматривая проблему взаимоотношений феноменов менталитета и языка, справедливо предположить, что менталитет, который, как известно, в значительной степени детерминирован социальными условиями, выражается в языковых особенностях нации, народных способах социального общения и т.п. Язык, в свою очередь, оказывает определенное формирующее влияние на процесс становления и функционирования социального менталитета и ментальности отдельной личности. По словам Э.Сепира «Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают, они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления. На самом же деле «реальный мир» в значительной мере бессознательно строится на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем, так или иначе, те или иные явления, главным образом, благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [Сепир 1993: 259].

Возможно вычленив различные уровни формирования ментальности как языковой картины мира отдельного индивида. Основную нагрузку, по мнению Д.Полежаева, несет на себе уровень семейного воспитания, на котором происходит переживание индивидом общих (национальных и социальных традиций), норм морали, правил, ориентиров и целей общения как личностно-значимых ценностей. Именно в ходе семейного воспитания формируется дуалистическое отношение, критерий «свое – чужое» в индивидуальном и коллективном сознании, находящий выражение в социальных оппозициях: «Мы» – «Они», «Я» – «Мы» и т.п. Как считает Л. Витгенштейн, ментальные картины (стереотипы), укорененные в нашем сознании, внушаемые самим языком, в стихии которого мы живем, очень прочны: принимая их за самоочевидные, как бы «срастаешься» с ними. Становится очень непросто отнестись к ним критично, отойти, дистанцироваться, усомниться в них. Еще труднее преодолеть эти картины, заменить их другими. Обычно в легком процессе высвобождения из плена данных картин участвует время, постепенно нарастающие суммарные перемены в схемах мышления, опыте осознания. Стереотипы однозначны и делят мир на две категории: «знакомое» и «незнакомое». «Знакомое» становится синонимом «хорошего», а «незнакомое» – синонимом «плохого» [Козлова 1990: 5].

Исходным пунктом осмысления проблемы взаимного воздействия друг на друга менталитета и языка, на наш взгляд, следует признать, что с помощью языка человек отражает окружающий мир. Причем «отражает» – означает не только «описывает» мир, поскольку, во-первых, передача информации и описание в целом – это лишь одна из форм отражения человеком окружающего мира, а во-вторых, существо человека раскрывается только в форме той или иной деятельности, в реализации собственных устойчивых ценностных структур. Иначе говоря, между миром и языком стоит мыслящий человек, носитель языка. Именно человек воспринимает и осознует мир посредством органов чувств и на этой основе создает систему представлений о мире. Пропустив их через свое сознание, осмыслив результаты этого восприятия, он передает их другим членам своего речевого коллектива с помощью языка [Тер-Минасова 2000: 38]. Другими словами, между реальностью и языком стоит ментальная деятельность. Слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете. Понятие же составляется на уровне обобщения неких основных признаков, образующих это понятие, и поэтому представляет собой абстракцию, отвлечение от конкретных черт. Поскольку наше сознание обусловлено как коллективно, так и индивидуально, то язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к ментальному фону и от ментального фона к языку.

Обращаясь к вопросу о точности отражения языком мира, окружающего человека, являющегося информационно полным, можно предположить, что языковое представление чаще всего информационно неполно или неточно. Так, например, незнание того, что Земля вращается вокруг Солнца, приводило к утверждению ложных представлений, которые до настоящего времени имеют отражение во многих языках, в том числе и в русском: уверенно произнося, что «солнце взошло», мы понимаем, в действительности, ложность этого утверждения. Раскрывая достоверность в ее социокультурных, коммуникативных аспектах, Л. Витгенштейн указывает на то, что жизнедеятельность в целом невозможна без веры, доверия, принятия как достоверного (это и есть «форма жизни» и ее условия), а также на тесное переплетение феномена достоверности с другой «формой жизни» – «языковыми играми», которые предстают не в собственно лингвистическом смысле, но как культурно-исторические, социальные по своей природе [Микешина 1990: 59]. В языковых играх усваиваются сами значения слов, поскольку для Витгенштейна «...значение слова есть способ его употребления. Ибо этот способ есть то, что мы усваиваем, когда данное слово впервые входит в наш язык»

[Козлова 1990: 19]. То, что «мы уверены в этом» вовсе не означает, что каждый в отдельности уверен в этом, но означает, как подчеркивал Витгенштейн, что «мы принадлежим к сообществу, объединенному наукой и воспитанием» [Витгенштейн 1991: 88].

Важнейшей основой функционирования языка является социум, глубинной структурой последнего выступает менталитет. На начальных этапах усвоения языка индивид идет от языкового мышления к социокультурным стереотипам восприятия, так как с усвоением языка он усваивает и значительную часть глубинно-психических установок социального менталитета. В данном случае язык выступает как носитель менталитета, таким образом, можно говорить о том, что язык определяет менталитет. Однако в последующем, когда менталитет социума сформирован, т.е. когда становятся фиксированными его основные глубинно-психические установки, тогда он уже сам выступает как детерминатор тех или иных языковых изменений, социально-индивидуальных подвижек. На этом этапе можно уже говорить о том, что языковая установка становится одной из составляющих в структуре менталитета, т.е. здесь менталитет определяет язык. Признавая диалектическое единство языка и менталитета, подробнее остановимся на языковой сущности ментальности.

В национальном характере (внешнем проявлении менталитета) тесно переплетаются элементы сознания, идеологии, нравственной культуры, поведения, общественной психики. К группе черт национального характера иногда относят такие, как консерватизм, религиозность, оптимизм, пессимизм и т.п., которые, в свою очередь, достаточно точно и недвусмысленно обозначены и реализованы языковыми средствами. По словам Д.Полежаева, в языке, в потаенной, скрытой от обыденного сознания форме часто отражаются определенные смыслы, некогда имевшие явное значение, «открытые» для сознания «дневного». Некоторые примеры приводит Ю.Степанов. Слово «человек», полагает он, имеет два отчетливо разделяемых истока: может означать «дитя (своего) племени», а может означать, что человек произведен от земли (Адам – глина, мы все «дети адамовы») в противоположность миру богов, которые произведены от неба. Понятие «иметь» родственно словам «хватать», «поймать» (русское – «имать»), что могло бы показаться случайным, если бы не было множества подобных совпадений в других языках. Иными словами, «имение» есть результат «хватания». Не воспринимаемые обыденным сознанием значения слов, имеющих такие глубоко уходящие в историю корни, тем не менее, сохраняют в «неузнаваемых» словах известный смысл, подспудно понятный современному человеку, хотя и не актуализированный явно и отчетливо [Полежаев 2003: 193]. Нужно иметь в виду, что иногда ряд значений слов одного языка может совпадать с традиционными для других языков значениями, и в этом случае, можно говорить о «ментальном пересечении» этих социумов.

Естественные языки выступают носителями исторических традиций, многовековой культуры народов, глубинно-психических установок тех или иных социальных образований, т.е. их менталитетов. В этом случае следует рассматривать язык как особого рода ментальную конструкцию, т.е. структуру, «удерживающую» менталитет в относительно устойчивом смысловом значении, пригодном для трансляции на уровне общественного сознания и внесознательного.

Важно подчеркнуть, что большая часть смыслов, значений отдельных слов и языка в целом передается его последующим носителям от предыдущих. И этот процесс можно рассматривать не только как сознательный и целенаправленный, но и осуществляющийся в сфере внесознательной (трансцендентной). То есть в индивидуальном сознании могут сохраняться в неявной форме представления о значениях языка, способных к актуализации в соответствующих условиях [Полежаев 2003: 198].

Слово необходимо для того, чтобы представление могло стать образом или знаком того, что мыслится человеком. В трактате «Об истолковании» Аристотель утверждает: «Итак, то, что в звукосочетаниях, – это знаки представлений в душе, а письма – знаки того, что в звукосочетаниях. Подобно тому, как письма не одни и те же у всех [людей], так и звукосочетания не одни и те же. Однако представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, что в звукосочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно также одни и те же предметы, подобия которых суть представления [Аристотель 1978: 93]». В.Гумбольдт, не отрицая влияния мышления на язык, стал подчеркивать влияние языка на мышление. Он стал протестовать против понимания языка как одежды для уже готовой мысли и объявил язык «органом, формирующим мысль». «Язык, – указывал он, – не есть обозначение сформированной независимо от него мысли, но сам есть орган, формирующий мысль» [Радченко 1997: 62]. Язык, по Гумбольдту, является активной силой, мощной духовной энергией, которая направляет наше мышление по определенному руслу, которое было проложено в нашем родном языке, создавшим его народом. В связи с тем, что каждый язык имеет особую внутреннюю форму, он направляет познавательную деятельность его носителей по особому, национальному пути, тем самым, создавая им пределы, в рамках которых они и познают мир. Согласно этому тезису, язык следует считать неразрывно связанным с менталитетом того или иного народа. Каждый язык в таком случае обладает когнитивной властью над его носителем и становится промежуточным миром между объективной действительностью и познающим субъектом. Язык превращается в призму, через которую человек видит мир.

Примером сохранения в языке исторической информации может быть приведенный П.Флоренским разбор строения слова «береза», которое в нашем сознании неотъемлемо от образа «белоствольной любимицы русского народа», означает «светиться», «гореть», «белеть», «брезжить». Впечатление от березы, которая белеет, брезжит среди лесных стволов, зачастую ассоциируется с «девушкой», «Родиной». Однако образ «светлого», связанный с березой, не является отражением только внешнего, но является внутренней каче-

ственной характеристикой. Забытое урбанизированными жителями, невостребованное временем значение накрепко входит в русское подсознание с помощью языка [Флоренский 1998: 229].

Так, по мнению Г. Гачева, чтобы понять особенности видения народом окружающего мира, «надо научиться читать книгу бытия каждого народа, которая написана на его земле: в горах или равнинах; в небе; ... в воздухе; в воде; в вещах быта; в языке; в музыке и т.д.». Гачев вводит ключевое понятие своей теории – национальный КосмоПсихоЛогос, а язык, позволяющий расшифровать составляющие национальной культуры каждого народа – это древний натурфилософский язык четырех стихий: земли, воды, воздуха и огня. Понимаемые символически, они являют как бы «морфологию» языка, а его «синтаксисом» будет эрос (как «любовь – вражда»). В русском Космосе три главных агента Истории: Россия-мать-сыра земля, а на ней работают два мужика: Народ и Государство-Кесарь. На Западе – Народ-воля, а Государь (и государство) – закон. Логос – тоже двойка. Он имеет два субъекта, мужских начала. Как и кесарево начало власти, Логос – рассудок у нас не вырабатывались, а пришли с Запада в виде догматической недвижимой формы тезисов. Его закон – послушание науке, логике и идеологии по формуле «так надо». А традиционно российский – это Логос воли-свободы, поиска путей и смысла жизни. Он в литературе, фольклоре, вечном вопрошании. В русской мысли идет вечная борьба между ними, без победы одного из них. Поэтому она принципиально незавершена, «последнее слово» в ней не сказано. По составу стихий Россия – мать сыра-земля, т.е. «водо-земля». Она – бесконечный простор, и поэтому для нее Пространство важнее Времени. Поэтому по составу стихий ее должен восполнить «воздух» и «огонь», ее аморфность должна быть восполнена формой (пределами, границей), а в Пространстве должно «врубиться» Время и заработать ритм Истории [Гачев 1995: 23-24].

В заключении, можно сделать вывод о неразрывности феноменов языка и менталитета, и о том, что при исследовании проблемы языковой сущности ментальности важно учитывать дискурсивную концептуальность языка. Данное положение представляется особенно значимым в современном глобализирующемся мире в условиях интенсивных межкультурных и социокультурных контактов, эффективность которых напрямую зависит от умения использовать «иной» язык и готовности отказаться от собственного (национального, социально-группового) ментального фона в пользу его трансформации и принятия ментального фона «иног» языка.

Список использованной литературы

1. **Аристотель.** Об истолковании. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 687 с.
2. **Витгенштейн Л.** О достоверности. / Пер. Ю.А.Асеева, М.С.Козловой. // *Вопр. философии*, 1991, №2. – С. 94 – 99.
3. **Гачев Г.Д.** Национальные образы мира. Космо – Психо – Логос. М.: Прогресс. Культура, 1995. – 479 с.
4. **Козлова М.С.** Специфика философских проблем. Позиция Л. Витгенштейна. // X Всесоюзная конференция по логике, методологии и философии науки. Тез. докл. и выступлений. Минск, 1990. – С. 5 – 26.
5. **Микешина Л.А.** Витгенштейн: проблема веры и достоверности в познании. // X Всесоюзная конференция по логике, методологии и философии науки. Тез. докл. и выступлений. Минск, 1990. – С. 59 – 72.
6. **Полежаев Д.В.** Идея менталитета в русской философии «золотого века». Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 360 с.
7. **Радченко О.А.** Язык как мирозидание. М.: 1997. Т. 1. – 307 с.
8. **Сепир Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс. Универс, 1993. – 655 с.
9. **Флоренский П.А.** Имена: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998 (Сер. «Антология мысли»). – 912 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

Попова Е. Г.

Самарская государственная сельскохозяйственная академия

Проблемы языкового цикла предметов по их назначению занимают особое место среди изучаемых дисциплин. Это обстоятельство определяется прежде всего тем, что язык является универсальным средством передачи социального опыта. А осознанная, целенаправленная и целесообразная передача социокультурного опыта является существенной составляющей образования, в том числе языкового в профессиональном негуманитарном вузе.

Предметы языкового цикла имеют особое значение для преподавания всех прочих дисциплин не только в передаче социокультурного опыта, но и в формировании и развитии речевой деятельности, так необходимой профессионалу. Они тем самым влияют на качество обучения всем без исключения предметам. Любой предмет, будь то математика, физика или специальный, пользуется языком как инструментом для передачи своего содержания, развития личности в общекультурном и профессиональном отношении. Как отмечает Л.В. Щерба, развитие речи, направленное, в сущности, на решение узкопрактической задачи, на самом деле выполняет важнейшую функцию подготовки научно мыслящего человека [Щерба 2001]. Лингвистические предметы формируют многие общеучебные умения, необходимые каждому специалисту на протяжении всего его непрерывного образования: умения работать с книгой, с текстом разного жанра, умения реконструкции текста, умения работать со словарем и справочником, умения рассказывать, описывать что-либо, рассуждать, последовательно и логично развивая свою мысль и др. Поэтому курс того языка, на котором ведет-